

4 НОЯ 1971

К Максиму за советом

Говорит Борис Чирков

Имя народного артиста СССР Бориса Петровича Чиркова известно миллионам советских зрителей. Недавно театральная общественность страны отметила семидесятилетие со дня рождения артиста, создавшего целую галерею ярких образов в кино и на сцене. Сопутник редакции Т. Константинова обратилась к Б. П. Чиркову с просьбой рассказать о наиболее примечательных событиях его творческой жизни, о новых работах.

— Почти пятьдесят лет отделяют вас, Борис Петрович, от первого появления на сцене. Расскажите, пожалуйста, как это произошло?

— Родился и вырос я в глухом уральском городке Ноллинске. Ни кино, ни радио в ту пору не знали. Только и развлечения у нас было, что изредка местные любители ставили спектакль.

Как-то пришли к нам в школу два «знаменитых» артиста нашего города — врач и служащий почты. «А что, ребята, по секрету говоря, кто у вас в школе лучше всех подкашивает? У нас к нему важное дело...» Все дружно закричали: «Чирков!» А дело оказалось вот в чем: заболел суфлер, а через два дня — новый спектакль. «Гроза» Островского. На репетиции я старательно подкашивал текст исполнителям, школьный опыт помог. И вот спектакль. Красный от волнения я усеялся в фанерной будочке. Передо мной двигались необычно одетые люди, произносили необычные слова, радовались и страдали. Все это было так выразительно, так красочно, что я не мог остаться равнодушным созерцателем. Из моих вст с жаром вырывались громкие, страстные реплики. Я настолько включился в происходящее действие, не скрывая своих чувств от зрителей, что это их сначала озадачило, потом развлекло и, наконец, рассмешило. Чувствуя на себе угрожающие взгляды актеров, я на мгновение приходил в себя, но сейчас же новая волна ярких переживаний подхватывала меня, и снова, захлебываясь, восторгаясь и впадая в отчаяние, я принимался выкрикивать слова... Развязка драмы для меня наступила гораздо раньше окончания спектакля, я был изгнан из будки.

— Это начало. А что дальше? Как родился Чирков-артист?

— Будучи студентом Института сценических искусств, я оказался вовлеченным в

атмосферу жарких диспутов о новом искусстве.

Настоящая школа началась для меня в Ленинградском театре юного зрителя. Само по себе это явление олицетворяло новое; ведь это был первый не только в России, но и во всем мире театр специально для детворы.

Я считаю, что меня, начинающего актера, в ТЮЗе учили не только режиссеры, старшие коллеги, но и зрители, ибо они — при всей доброжелательности — беспощадно требуют правды.

— А что вам довелось сыграть для этих зрителей?

— Перечислить все трудно, а вот об одной работе расскажу. Это Тиль Уленшпигель, человек смелый, решительный и веселый. Памятна для меня эта роль еще и потому, что она явилась как бы репетицией образа Максима.

— Как же персонаж из тугой жизни, из далекой истории смог «повлиять» на Максима? И вообще — из чего «слагался» Максим?

— Да, у них же много общего! Не случайно первая серия трилогии о Максиме в начальном варианте условно называлась «Тиль Уленшпигель с Выборгской стороны». Они оба — Тиль и Максим — вышли из народа и выражали черты, характер и стремления народных. А что касается романтической, то она была необходима Максиму. Романтизм, по выражению Горького, есть преувеличение хорошего в человеке, а Максим, оставаясь живым пареньком с рабочей окраины, все-таки был если не идеалом, то типом рождающегося человека нового времени. Хотелось «оторваться» немного от приземленности, от обыденности.

Работа над ролью шла в 30-е годы — этим многое сказано. Магнитка и Московский метрополитен, стахановское движение и покорение Севера — да разве перечислишь, пересчитаешь верстовые столбы эпохи, на которую пришли горячие годы молодого Максима и не менее горячие годы моей молодости. Я работал над ролью, сопоставляя судьбу рабочего парня со своей судьбой, примеряя характер героя к самому себе, к своим сверстникам. Возраст, темперамент, оптимизм, страстная потребность посвятить себя людям, стране победившей революции — вот что, пожалуй, было у нас общее. Может быть, мы были беднее Максима по всем этим каче-

ствам, но в конце концов не лишены их вовсе.

И все-таки по-настоящему я подступился к образу Максима, когда вместе с моими друзьями — будущими Наташей, Демой и Андреем пошли на заводы, где в цехах Красного Выборжца, Путиловского, Обуховского трудились те, кого мы собирались изображать. Мы набирались ума-разума, узнавая вблизи питерских рабочих, интересные подробности их жизни, характеров.

— Как соотносятся с живой жизнью другие ваши герои?

— Расскажу для примера о фильме «Чапаев». Мне предстояло играть крестьянина, который — помните? — говорит: «Белые приходят — грабят! Красные пришли — тоже, понимаешь, грабить начали... Ну, куда крестьянину податься?» Нарядили меня в домотканые штаны, рубаху, борода рыжая, окладистая. Глянул в зеркало... «Ага, голубчик! — обрадовался я. — Вот ведь кого изображать-то мне надо — Телегина Семена!» Это — воспоминание детских лет. Был у нас хитрый такой мужик, «себе на уме». Главная забота — «как бы не проделешить». Так и мой герой: белые и красные воюют, а он все прилаживается и выбирает: чья власть доходнее.

У актера должна быть такая «сберегательная касса», и каждый день надо пополнять ее, откладывать туда то поговорку, то чью-нибудь походку, манеру одеваться. Это для нас как краски для живописца.

— Борис Петрович, давайте вновь вернемся к Максиму. Он рожден эпохой революции и ее отражает. А есть ли на современном экране столь же яркий типический герой?

— Мне кажется, что порой наши фильмы о современнике ограничиваются узкими рамками быта, частной жизни, мало соотносящейся с жизнью большой страны.

Несомненно, интересна, например, работа Ю. Райзмана «Твой современник». Судьба Губанова — при всей ее уникальности — неразрывна с судьбой народной. Размышление о месте человека в жизни современного общества, о его соответствии возрастающим требованиям времени — вот что обеспечивает этой картине такое внимание любой аудитории.

Я много езжу по стране, многое вижу своими глазами и поэто твердо могу сказать: у нас есть новые «Мак-

симы» — «Максимы» нашего времени.

— Когда мы сможем вновь увидеть вас на экране?

— На киностудии «Ленфильм» только что закончил сниматься в кинокартине для детей «Вантербуль бежит за горизонт», которую поставили молодые режиссеры Н. Кошелев и В. Морозов. Это фильм о маленьком мальчике Васе. Он хочет постичь мир. Вот вы знаете, например, что такое зубная боль? А Вася еще не знает. И чтобы ощутить это, он идет в поликлинику к зубному врачу удалять здоровый зуб. Здесь мальчик встречается с мудрым стариком Влащенко, которого играю я. Об их беседе, «крупном мужском разговоре», вы узнаете, посмотрев фильм.

На этой же студии приступил к работе над ролью рабочего, тоже старика, по имени Ванечка. Да, да — именно Ванечка, так как окружающие его друзья-рабочие такие же старики, как и он. Фильм этот будет называться «Ижорский батальон». Он повествует об истории, случившейся в суровые годы Отечественной войны.

— Над чем вы работаете в театре?

— В Театре имени Гоголя мы приступили к репетициям пьесы А. Островского «Последняя жертва», где мне поручена роль купца Прибыткова. Что я могу сказать об этой работе? Пока почти ничего. Впрочем, есть одно интересное совпадение: в Ленинграде в этой же роли мы увидим народного артиста СССР В. Меркурьева, моего близкого товарища и в жизни, и в кино (помните наше трио в кинофильме «Верные друзья»?). Выходит, посоревноваться придется...

— А теперь разрешите задать вам традиционный вопрос: чему вы посвящаете свой досуг?

— Собственно говоря, досуга у меня нет. Занятый я человек. Актер, одним словом. А если уж выпадает свободная минутка, достаю томик Пушкина...

И еще у меня есть любимое занятие, что-то вроде второй профессии. Я пишу книжки об искусстве актера. А сейчас собираюсь издать необычную книжку — письма зрителей Максиму. Да, моему Максиму пишут письма, а некоторые юные зрители обращаются к нему даже за советами. Вот об этой дружбе Максима и зрителей мне и хочется рассказать.

Как видите, и работы немало, и творческие планы обширные...